

Месяц первый: сентябрь

Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека...

Екклесиаст 12:13

Сегодня первый день, но мне уже кажется, что я тону с головой.

Я решил начать проект 1 сентября, и Библия целиком поглотила мою жизнь с момента пробуждения. Любое действие связано со страхом нарушить ее закон. Прежде чем даже вдохнуть или выдохнуть, нужно вспомнить длинный список правил.

Все начинается, когда я открываю шкаф, чтобы одеться. Библия запрещает мужчинам носить женскую одежду (Второзаконие 22:5), так что удобная фуфайка с надписью Dickinson College теперь под запретом. Когда-то она принадлежала жене.

Библия говорит, что надо избегать одежды из разнородных нитей (Левит 19:19), поэтому футболку Esquire из хлопка с полиэстером придется посыпать нафталином. А мокасины? Можно ли мне носить кожу? Иду в гостиную и открываю в ноутбуке файл с библейскими правилами. Нахожу пункты насчет животных. Свиная и змеиная кожа под вопросом, но, кажется, старая добрая коровья допускается.

Хм, а мне вообще можно пользоваться компьютером? Библия, как вы догадываетесь, не освещает этот вопрос, так что робко отвечаю «да». Может быть, как-нибудь попробую каменные скрижали.

А потом я оступаюсь. Через полчаса после пробуждения проверяю на Amazon.com, как продаётся моя последняя книга. И сколько грехов я совершил? Гордость? Зависть? Жадность? И не сосчитать.

Не лучше проходит и поход в копировальный центр. Я хочу сделать несколько копий Десяти заповедей, чтобы расклейт их по всей квартире, — это будет хорошим напоминанием.

Библия говорит: благоразумные «медленны на гнев» (Притчи 19:11). Так что, когда я вхожу вместе с проворной женщиной лет сорока и она как спринтер несется к прилавку, стремясь опередить меня в очереди, я стараюсь не сердиться. И когда она просит сделать ей копию на единственном рабочем ксероксе, я пытаюсь оставаться спокойным. И когда она достает и плюхает на прилавок стопку листов, которая потянет на собрание сочинений Джоан Роулинг, я говорю себе: «Медленны на гнев, медленны на гнев».

И тут она задает какой-то сложный вопрос насчет сортов бумаги...

Я говорю себе: помнишь, что случилось с древними евреями, когда они сорок дней ждали возвращения Моисея с горы? Они были нетерпеливы, потеряли веру — и мор поразил их.

О, и она платит чеком. И просит квитанцию. И хочет, чтобы ее завизировали. Притчи — собрание мудрых изречений из Ветхого Завета — учат, что, если улыбаться, станешь счастливым. Эта мысль, вообще-то, подтверждена исследованиями психологов. И вот я стою и скалусь как стюардесса. Но внутри бушует гнев. У меня нет времени. Меня ждет список из семидесяти двух библейских задач.

Наконец я добираюсь до прилавка и даю кассирше доллар. Она зачерпывает из кассы тридцать восемь центов и протягивает их мне.

— Не могли бы вы, э-э, положить сдачу на прилавок?

Она сердито смотрит на меня. Но я не должен трогать женщин — позже расскажу подробнее — и всего-то пытаюсь избежать ненужного касания пальцами.

— У меня простуда, — говорю я. — Не хочу вас заразить.

Вранье. Пытаясь избежать одного греха, совершил другой.

Иду домой пешком. Прохожу мимо рекламного щита, где два подтянутых голых человека сжимают друг друга в объятиях. Это реклама спортивного клуба. Библейское учение о сексуальности сложно, и я еще в нем не разобрался. Но полагаю, на всякий случай лучше пока воздержаться от похоти. Остаток дороги я смотрю под ноги.

Вернувшись в квартиру, я решаю вычеркнуть из списка Числа 15:38 — прикрепить кисточки к краям одежды. Вдохновившись примером бывшего дяди Гила, я купил их на сайте «Кисточки без проблем». Примерно такие

украшали вышитые подушечки моей бабушки. Я прикалываю их английскими булавками к манжетам и подолу рубашки — на это уходит десять минут.

К вечеру я выжат как лимон. Мне едва хватает сил слушать, что Джули говорит про турнир US Open, и даже такая беседа дается с трудом. Приходится тщательно избегать упоминания Винус Вильямс, потому что ее назвали в честь древнеримской богини любви, и я нарушил бы наказ Бытие 23:13 («имени других богов не упоминайте»).

Ложась спать, я думаю, сделал ли сегодня шаг к просветлению. Не факт. Меня так захватили правила, зачастую дикие на первый взгляд, что времени подумать не было. Возможно, я похож на начинающего водителя, который каждую секунду проверяет поворотники и спидометр, из-за нервозности не замечая пейзажа. Но это только первый день.

...Плодитесь и размножайтесь...

Бытие 1:28

День 2. Борода растет быстро. Я уже выгляжу слегка неухоженно — помесь бруклинского хипстера и типа, который весь день ошивается у букмекерской конторы. Меня это устраивает. Я наслаждаюсь отпуском от бритья. Может, я и трачу неизвестно сколько времени на библейские обязанности, но, по крайней мере, не теряю три минуты в день перед зеркалом.

На завтрак я беру из холодильника апельсин. С едой в этом году ожидаются сложности. В Библии много запретов — например, нельзя есть свиней, креветок, кроликов, орлов и морских ястребов. Но цитрусовые допускаются. К тому же они известны с библейских времен — в одной из моих книг даже говорится, что запретным плодом из Эдемского сада был апельсин. И это абсолютно точно было не яблоко, потому что на Ближнем Востоке во времена Адама не росли яблони.

Сажусь за кухонный стол. Джули просматривает раздел «Искусство и досуг» в New York Times, выбирая фильм на субботний вечер.

— Может, сходим на «Аристократов»*? — спрашивает Джули.

* «Аристократы» (The Aristocrats) — американский документальный фильм 2005 года, режиссер Пол Провенца. Посвящен американскому комику Джонни Карсону. Прим. ред.

Ха. «Аристократы» — документальный фильм о самом пошлом анекдоте всех времен и народов. В нем как минимум полдесятка сексуальных актов, отдельно запрещенных в Книге Левит. Хуже занятия на вечер Джули и выдумать не могла. Она что, проверяет меня? Наверное.

— Не думаю, что мне можно. Это будет не очень по-библейски.

— Ты серьезно?

Я киваю.

— Хорошо. Посмотрим что-нибудь другое.

— Не знаю, стоит ли мне вообще ходить в кино. Надо подумать.

Джули опускает взгляд и смотрит на меня поверх очков.

— Никакого кино? Целый год?

В следующие двенадцать месяцев мне придется выбирать, на что тратить силы. Я решаю отказаться от кино постепенно, чтобы Джули привыкла.

В конце концов, в нашем доме сейчас несколько напряженная обстановка. У Джули были трудности с зачатием первого ребенка, как я писал в предыдущей книге. В итоге мы добились успеха (у нас есть сын по имени Джаспер), но, очевидно, мастерство не пришло с опытом — во второй разничуть не легче.

В прошлом году я, по библейскому выражению, открывал наготу Джули. Часто. Слишком часто. Не то чтобы мне это не нравилось, но всему есть предел, правда? Это начинает утомлять. Кроме того, Джули все больше расстраивается, поскольку, по ее мнению, я занимаюсь мелочной опекой: постоянно спрашиваю про время овуляции, базальную температуру и прогноз на пять дней.

— Ты меня нервируешь, и это правда мешает, — сказала она на днях.

— Я стараюсь тебя поддерживать.

— Знаешь что? Чем больше я нервничаю, тем меньше шансов забеременеть.

Я говорю, что хочу братика или сестренку для нашего сына Джаспера.

— Тогда перестань об этом говорить.

Итак, мы оказались в странной ситуации, когда оба все понимают, но ничего не говорят: мы думаем о втором ребенке, но старательно избегаем этой темы.

Но это очень трудно, если, как я, тратить очень много времени на чтение и обдумывание Библии. Плодовитость — одна из важнейших ее тем и, возможно, главная в Книге Бытие. Если верить относительно современным

исследователям, она отражает стадию монотеизма, когда главнейшую роль играет природа/плодородие, что объясняется влиянием языческих верований. Так, первая заповедь, которую Бог дает Адаму, звучит так: «Плодитесь и размножайтесь». Это Первое правило Библии.

В английском переводе оно звучит буквально так: «Имейте много плодов и умножайте». Если бы я решил воспринимать Библию в лоб, то мог бы нагружаться персиками на фермерском рынке и помочь племяннице с домашней работой по алгебре. Тогда я справился бы минут за двадцать.

Отсюда простой, но важный урок. Когда имеешь дело с Библией, всегда — абсолютно всегда — необходимо так или иначе ее толковать, даже если речь идет о самых очевидных правилах. Я вполне уверен, что в данном случае говорится о воспроизведении рода, а не о математике. Поэтому им я и займусь.

Древние весьма усердно работали над вопросом зачатия. По большому счету самые известные библейские истории посвящены желанию забеременеть. Аврааму и Саре, пожалуй, пришлось труднее, чем всем остальным в Библии — если не в истории человечества. В какой-то момент якобы бесплодная Сара настолько отчаялась, что отдала свою египетскую служанку в наложницы Аврааму. От этого союза произошел Измаил, прародитель ислама. Несколько стихами ниже речь вот о чем: Бог и два ангела посетили шатер Сары и Авраама и сообщили, что Сара скоро понесет. И как же она отреагировала? Рассмеялась — вероятно, скептически. Справедливости ради надо сказать, что ей было девяносто лет. Но Бог выполнил обещание, и у матроны на десятом десятке родился Исаак — в переводе с иврита его имя означает «будет смеяться».

А потом еще и Рахиль. Рахиль и ее старшая сестра Лия вышли замуж за мудрого пастыря (и моего тезку) Иакова. Лия была машиной для размножения: она родила аж шестеро сыновей и одну дочь. А Рахиль оставалась бездетной, и сердце ее было разбито. В какой-то момент она сказала Иакову: «Дай мне детей, а если не так, я умираю». В другой раз Рахиль купила у сестры мандрагору — средиземноморскую траву, которая когда-то считалась лекарством от бесплодия. Но все тщетно. Наконец Бог «отверз утробу ее», и она родила Иосифа, человека в разноцветной одежде.

В библейском мотиве бесплодия есть и положительная сторона. Чем тяжелее было женщине забеременеть, тем более великим становился родившийся в итоге ребенок. Иосиф. Исаак. Самуил (чья мать пообещала его Богу в благодарность за зачатие). Это гиганты еврейского Писания.

Вчера я нарушил обещание Джули, чтобы сообщить ей: если у нас будет еще один ребеноκ, он сможет прославиться в веках. И она улыбнулась.

— Я думаю, это правильно, — сказала она. — Хорошее приходит к тем, кто умеет ждать.

Похоже на библейское изречение, но на самом деле его автор — Генри Уодсворт Лонгфелло*.

…Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим.

Исход 20:3

Снова день 2. У Джули собрание, так что я остался один с апельсином на завтрак, списком правил и стопкой Библий. У меня есть полчаса до пробуждения Джаспера. Кажется, сейчас самое время заняться духовным компонентом моего предприятия — а именно молитвой.

Как я уже говорил, я всегда был агностиком. В колледже я изучил все традиционные аргументы в пользу существования Бога: аргумент творения (если есть часы, значит, их сделал часовщик — и если есть Вселенная, значит, ее сотворил Бог); аргумент первопричины (у всего есть причина, а Бог — причина Вселенной). Порой это были блестящие, потрясающие аргументы, но ни один из них меня не убедил.

Меня не убедило и новое доказательство, которое я пару недель назад услышал от кузена Ливая, пасынка ортодоксальной тети Кейт. Он сказал, что верит в Бога по следующей причине: Библия очень странная, невероятно эксцентричная — человеческий мозг не мог бы выдумать ничего подобного.

Мне понравился аргумент Ливая. Он оригинален и далек от ханжества. И я согласен, что Библия бывает странной — вспоминается приказ заколоть телку на месте нераскрытоого убийства (Второзаконие 21:4). Однако и это меня не убедило. Люди и сами выдумают на редкость странные вещи, среди которых, например, биатлон, индейка, фаршированная уткой, фаршированной курицей, и плюшевый Элмо** моего сына, танцующий танец маленьких утят.

* Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882) — американский поэт, автор «Песни о Гайавате». Прим. ред.

** Элмо — кукла из телешоу «Улица Сезам». Прим. перев.

Короче говоря, не думаю, что меня можно привести к вере в Бога убеждениями. И это проблема, потому что Библия велит не только верить в Бога, но и любить Его. И как же мне выполнить это требование? Можно ли «включить» веру, открыв некий «духовный кран»?

Вот мой план: в колледже я узнал о теории когнитивного диссонанса. В частности, она утверждает, что если вести себя определенным образом, убеждения в итоге изменятся в соответствии с поведением. Именно к этому я и стремлюсь. Если я несколько месяцев буду вести себя как преданный, любящий Бога человек — может быть, стану преданным и любящим Бога. Если буду молиться каждый день — может, уверую в Сущность, которой молюсь.

Итак, сейчас я собираюсь помолиться. Хотя не вполне знаю, как это делается. Я не молился ни разу в жизни — разве что, когда болела мама, для очистки совести пару раз посмотрел вверх.

Так какую позу принять? В Библии описаны разные варианты: люди преклоняют колени, сидят, склоняют головы, устремляют очи горе, кладут голову между коленей, поднимают руки, бьют себя в грудь. Единственно верного не существует.

Сесть соблазнительно, но чересчур легко. Я считаю, что без труда не вытащишь и рыбки из пруда. И поэтому вытягиваю вперед руки, словно священные антенны, которыми надеюсь уловить сигнал от Бога.

А вот что говорить, я не знаю. Для импровизаций пока не хватает уверенности, поэтому я заучил несколько любимых молитв из Библии. Иду в гостиную, встаю перед нашим коричневым секционным диваном, вытягиваю руки, склоняю голову и тихим, но чистым голосом цитирую отрывок из Книги Иова: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословленно!»

Это прекрасный отрывок, но он вызывает у меня странное чувство. Я редко произносил слово «Господь» — разве что «Господи!» А слово «Боже» обычно использовал в сочетании с «о» и «мой».

Отсюда и дискомфорт. Ладони вспотели. Я пытаюсь говорить искренне и серьезно, но чувствую, что на двух разных уровнях перехожу некие границы. Во-первых, мне кажется, я нарушаю запрет, наложенный первосвященниками агностицизма. Во-вторых (что еще хуже), возможно, я нарушаю Третью заповедь. Говорить святые слова, в которые не веришь, — не значит ли это произносить имя Господа всуе?

Смотрю на часы. Я молился всего минуту, а обещал делать это хотя бы десять минут три раза в день.

Итак, продолжаю работу. Пытаюсь прищуриться и представить Его. Терплю фиаско. Сознание выдает набор клише: вид на Вселенную из Планетария Хейдена*; скрытая туманом ближневосточная гора, что-то вроде разноцветных спецэффектов из «Космической одиссеи 2001 года»** Стэнли Кубрика — почти все стереотипы, кроме персонажа в струящейся белой мантии, который говорит глубоким басом.

Пока я могу только сказать, что надеюсь на улучшения в будущем.

И они возможны. В старших классах у меня пару раз были переживания, которые можно назвать окномистическими. Как ни странно, курение не совсем табака было ни при чем. Они возникали неожиданно и длились секунды — не дольше чиха, — но запомнились надолго.

Когда я пытаюсь их описать, то говорю, как ведущий ЭСТ-тренинга***, но что поделать. В эти моменты я ощущал единение с Вселенной. Граница между мозгом и остальным миром внезапно растворялась. Я не понимал связь всего и всех умом, но чувствовал ее, как чувствуют простуду или тошноту. Озарения снисходили без предупреждения. Одно пришло, когда я лежал на одеяле на Большом газоне Центрального парка, другое — когда ехал на сверхскоростном поезде во время семейного путешествия в Японию. Я одновременно чувствовал себя униженным (моя жизнь казалась такой мелкой и незначительной) и бодрым (но в то же время она — часть чего-то огромного). Послевкусие ощущалось несколько дней и хотя бы на время делало меня более умиротворенным, подобным Будде.

По неизвестным причинам озарения внезапно прекратились, когда я перешел в выпускной класс. Быть может, в этом году они вернутся. Или же я приду к выводу, что это были дешевые трюки моего собственного мозга.

* Планетарий в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке.
Прим. перев.

** «Космическая одиссея 2001 года» (2001: A Space Odyssey) — известный научно-фантастический фильм 1968 года, знаковый для жанра кинофантастики и кинематографа в целом. Снят по рассказу Артура Кларка «Часовой». Прим. ред.

*** ЭСТ-тренинг (Эрхардовский семинар-тренинг) — система психологических тренингов личностного роста, созданная Вернером Эрхардом в 1971 году. Основная цель — развить способность к самоорганизации в условиях, препятствующих достижению цели. Пик популярности тренинга в США пришелся на 1970–1980-е годы. Прим. перев.

*В одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна,
не одевайся.*

Левит 19:19

День 5. Я составил список под названием «Пять самых невероятных правил из Библии». В этом году я планирую всерьез взяться за все, но для начала выбираю не требующее ни насилия, ни паломничества. А именно запрет на ношение одежды из разнородных нитей. Мне показалось, это настолько странный запрет, что, наверное, никто в Америке не пытается ему следовать. Конечно, я ошибался.

Мой друг Эдди Портной, преподаватель истории в Нью-Йоркской еврейской теологической семинарии, сказал, что недавно в районе Вашингтон-Хайтс ему попалась листовка, рекламирующая услуги по определению «шатнеза». Это слово в переводе с иврита означает «смешанные нити». Контролер придет к вам домой и проверит рубашки, брюки, свитера и костюмы на наличие скрытых смешанных волокон.

Итак, я набираю телефонный номер и договариваюсь о встрече с человеком по фамилии Берковиц. Он прибывает точно в срок. У него седая борода по грудь, большие очки и черный галстук, заправленный в брюки, которые натянуты на добрые десять сантиметров над пупком. Ермолка сидит на нем немного набекрень.

Берковиц со щелчком открывает черный чемодан на колесиках American Tourister*. Внутри оборудование: микроскоп, странный контейнер с выцветшей этикеткой «Овощные хлопья» и разнообразные инструменты, похожие на мутировавший мамин набор для шитья. Берковиц напоминает мне ортодоксального криминалиста. Божий детектив на ниве гардероба.

Он излагает мне азы. Шатнез — это не любые смешанные нити. Смесь хлопка с полиэстером и спандекса с лайкрой вполне допустимы. Проблема только с комбинацией шерсти и льна. Это запретное сочетание, согласно Второзаконию 22:11 (единственный стих в Библии о смешении нитей, кроме уже упомянутого).

— Как вы определяете шатнез? — спрашиваю я.

* По утверждению фирмы-производителя (основана в 1932 году) — самые надежные чемоданы в мире. *Прим. ред.*

— Ну, этикеткам на одежде нельзя доверять, — объясняет Берковиц. — Приходится смотреть самому. Под микроскопом разные нити выглядят по-разному.

Он рисует мне диаграмму. Лен похож на кусок бамбука. Волокна шерсти будто состоят из чашечек, поставленных одна в другую. Хлопок напоминает свившиеся ленты серпантинна. А полиэстер гладкий, как солома.

Я выношу стопку свитеров, и он принимается за работу. Срезает с черного пулloverа пару ниточек и кладет их под микроскоп.

— Посмотрим, сможете ли вы опознать их, — говорит он.

Я шуряясь смотрю в окуляр.

— Это полиэстер.

— Нет. Видите чашечки? Это шерсть.

Берковиц добр и любезен, но явно измотан. А я только ухудшаю дело.

Он делает пометки на листе, похожем на страницу из больничной карты. И говорит, что свитер кошерный. И следующий, который я приношу, тоже.

— Смотрите, — говорит он, кивая на микроскоп.

— Шерсть? — спрашиваю я.

— Нет. Хлопок.

Проклятье!

Я выношу свадебный костюм. Он говорит, могут быть проблемы. В шерстяных костюмах часто прячется лен, особенно если они итальянские, как мой.

Берковиц достает инструмент, похожий на вилочку для фондю, и начинает яростно копаться в разных уголках костюма. Это мой единственный костюм, и он обошелся почти в треть зарплаты. Я несколько встревожен. И рад, что Джули этого не видит.

— Шатnez? — спрашиваю я.

Он не отвечает минуту — слишком занят с микроскопом. Борода расплющилась вокруг окуляра.

— У меня сильное подозрение, что это лен, — говорит он.

Подозреваемый — кусочек белого полотна, спрятанный под воротником костюма.

Берковиц мнет ткань между пальцев.

— Отошлю в лабораторию на всякий случай, но я практически убежден, что это лен.

Он говорит, что придется либо положить мой единственный костюм на полку, либо отдать портному, чтобы тот удалил весь лен.

Берковиц уже не кажется утомленным. Он явно испытывает облегчение.

— Как хорошо, — говорит он. — Когда спасаешь кого-то от нарушения обета, это просто кайф.

Он делает победный взмах кулаком.

— Я не пробовал наркотиков, но, думаю, от них похожее ощущение.

Его радость заразительна. Я тоже чувствую себя счастливым пару секунд, но потом возвращаюсь к естественному состоянию озадаченности.

— Правда так важно не носить шерсть и лен вместе? — спрашиваю я.

— Разумеется.

— А бывает, что одни заповеди в Библии важнее других?

— Все равны, — отвечает он. И делает паузу. — Ну, сразу так не скажешь. «Не убий» очень важна. Заповеди о прелюбодеянии и идолопоклонстве — тоже.

Кажется, его раздирают противоречия. С одной стороны, все правила исходят из одного источника. Ортодоксальные евреи следуют списку из шестисот тринацати правил, который изначально составил великий средневековый раввин Маймонид на основе первых пяти книг Библии. С другой стороны, Берковиц также вынужден признать, что человекоубийство хуже, чем ношение некошерного блейзера.

Пока мистер Берковиц не ушел, я задаю очевидный вопрос, который стоит ребром: почему? Почему Богу важно, чтобы мы не носили смешанные ткани?

Ответ таков: мы не знаем.

На этот счет есть теории. Одни думают, что это правило учило древних евреев разделять вещи, чтобы снизить вероятность кровосмесления с другими племенами. Другие видят здесь аллюзию на жертвы Каина и Авеля: Каин предложил Богу лен, а Авель — овец. Третий говорят, что лен, смешанный с шерстью, когда-то носили язычники, а евреи старались отличаться от них всеми возможными способами.

Но в целом ответ таков: без понятия.

— Это закон, который дал нам Бог. Мы должны доверять Ему. Он все-могущ. А мы как дети. Порой родители устанавливают законы, непонятные детям. Например, когда вы говорите ребенку, что нельзя совать пальцы в огонь, он не понимает почему, но запрет ему во благо.

В иудаизме библейские законы, которые не имеют объяснения — а таких много, — называются «шуким». Это как раз один из них. Просто мы не можем отличить важное от неважного в долгосрочной перспективе. У Бога могла быть совершенно другая измерительная шкала, чем у нас. Более того, некоторые считают, что гораздо важнее следовать необъяснимым законам, поскольку они показывают вашу преданность и силу вашей веры.

Требование подчиняться законам, которые не имеют рационального объяснения, сильно меня беспокоит. Большую часть жизни я полагал, что в идеале мое поведение должно иметь под собой логическую основу. Но если вы живете по Библии, все иначе. Придется приспособить мозг к смене парадигмы.

Не желай...

Исход 20:17

День 6. Поскольку вчера я занимался туманными материями, сегодня жажду обратиться к главному: старым добрым Десяти заповедям.

Прихожу к выводу, что стоит сосредоточиться на заповеди «Не желай», потому что именно ее я нарушаю каждый день. Она последняя из десяти и единственная регулирует состояние ума, а не поведение.

Кроме того, возможно, она самая трудная, особенно в современном Нью-Йорке. Этот город существует благодаря желаниям.

Сейчас два часа дня, и вот список того, что я возжелал с момента пробуждения:

- плата за выступление, которую получает Джонатан Фоэр*
(кто-то сказал мне, что его лекция стоит пятнадцать тысяч долларов);
- коммуникатор Treo 700;
- спокойствие духа, как у человека из магазина Библий, который сказал, что не ведает страха, ибо с ним Бог;
- просторный двор перед загородным домом нашей подруги Элизабет;

* Джонатан Сафран Фоэр (род. 1977) — американский писатель. *Прим. перев.*

- известность Джорджа Клуни: он может говорить что угодно, как бы идиотски это ни звучало;
- блестящий сценарий для фильма 1999 года «Офисное пространство»* (иногда у меня появляется странная фантазия, что можно вернуться в 1997 год с видеозаписью, расшифровать диалоги и опередить сценариста Майка Джаджа).

Кроме того, став отцом, я открыл для себя совершенно новую область желаний. Я желаю не для себя, а для сына. Не хочу, чтобы он отставал от других детей.

Например, возьмем словарный запас Джаспера. Люблю этого парня, но с беспокойством наблюдаю, что в плане речи он сильно отстает от графика. Обычно сын общается при помощи восьми разновидностей кряхтения, и у каждой из них — собственный смысл. А я чувствую себя этнографом, который должен различить двадцать три эскимосских слова, обозначающих снег. Кряхтение в среднем регистре — «да». Более низкое — «нет». Короткий звук, достойный шимпанзе, призывает: «Немедленно подойди!» Джаспер отлично ходит и бросает мячик, но слова — эти штуки, которые я составляю в цепочки, чтобы заработать на жизнь, — не так ему интересны.

А вот его подруга Шейна, которая младше на три месяца, знает такие слова, как «вертолет» и «шифоньер». Еще чуть-чуть, и она начнет вести блог. Поэтому я желаю словарный запас Шейны для Джаспера.

Короче говоря, я трачу массу умственной энергии на нарушение этой заповеди. Не говоря уже о сокровенных желаниях — я определенно испытал что-то подобное к женщине в фиолетовых босоножках, которую увидел на улице. Или к женщине в джинсах с низкой талией. Или... я вернусь к этой теме позже, поскольку она заслуживает отдельной главы.

Полностью заповедь о нежелании звучит так: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Вол и осел — не проблема в постагарном Манхэттене. Но фраза «ничего, что у ближнего твоего» покрывает практически все. Никакой свободы маневра.

* «Офисное пространство» (Office Space) — комедия Майка Джаджа, частично основанная на его же мультфильмах 1991 года «Милтон». Рассказывает о работниках ИТ-компании конца 1990-х и в целом об офисных сотрудниках. Прим. ред.

Но как избавиться от желаний? Еврейский корень «хамад», который используется в Библии, можно грубо перевести как «желать» или «хотеть». Существует два основных толкования этой заповеди.

Одни полагают, что желание как таковое не запрещено. Жаждать чего-то — не грех. Нельзя вожделеть имущество ближнего, и только. Как говорит один раввин, можно желать автомобиль Jaguar, но не принадлежащий вашему соседу. Другими словами, если желание может привести к вреду для ближнего, оно недопустимо.

Но другие говорят, что нельзя желать *никакого* Jaguar — ни соседского, ни стоящего в автосалоне. Умеренный интерес допускается. Однако желание означает, что вы слишком сильно жаждете получить Jaguar, а значит, вас отвлекают материальные блага и вы недостаточно благодарны Богу за то, что он вам дал. Несомненно, вы пали жертвой рекламы, злайшего врага Десятой заповеди.

Чтобы подстраховаться, я пытаюсь избежать желаний обоих видов.

Из-за Джули пришлось отказаться от одной из возможных стратегий — она не согласилась стать цензором и удалять из газет и журналов всю рекламу iPod, туров на Ямайку и тому подобного. Поэтому пришлось сократить потребление журналов до жалких крох.

Но желание материальных благ — не самая большая проблема. Настоящая моя слабость — зависть к другим. Бесконечное сравнение себя с другими. Успешнее ли я, чем бывший мужчина Джули, который придумал устройство для подсветки книжных страниц ночью? Фирма Levenger* разместила его гаджет на обложке каталога, о чём не устает напоминать моя теща.

Если это не бывший мужчина, то кто-нибудь еще. И желания такого рода никогда не утолить. Если благодаря безумной случайности или странному стечению обстоятельств мне будут платить за выступление как Дж. Фоеру, я сразу же начну вожделеть таксу Мадлен Олбрайт. Библия права. Зависть — бесполезное чувство, которое отнимает время и съедает заживо. Мне же стоит сосредоточиться на семье, а теперь и на Боге.

Конечно, избавиться от чувства не так легко. Сегодня популярна теория, что мы не можем контролировать свои страсти. Как сказал Вуди Аллен,

* Levenger — американская розничная торговая компания, реализующая ноутбуки и аксессуары для мобильных компьютеров, электронных книг и смартфонов собственного производства. Основана в 1987 году. Прим. ред.

когда открылась его связь с Сун-И Превин: «Сердце хочет того, чего хочет». Но я не могу сдаться просто так — мне нужен взгляд со стороны. И поэтому я обращаюсь к совету духовных наставников.

Один из рекомендованных методов — сказать себе, что желанная машина / работа / квартира / плата за выступление / ослица для вас невозможны. Средневековый раввин Авраам ибн Эзра использует вот такой пример (он говорит о сексуальном желании, но возможна и более широкая трактовка): когда вы видите красивую замужнюю женщину, считайте, что она сродни вашей матери. Она под запретом. Сама идея использовать ее в качестве сексуального партнера омерзительна и недопустима для всех, кроме извращенцев и/или тех, кто обчитался Фрейда. Еще можно смотреть на женщину, как крестьянин на принцессу. Она красива, но так далека от вас, что восхищение ею абстрактно и не имеет отношения к сладострастию.

Я пытаюсь посмотреть на плату за выступление Дж. Фоера с такой точки зрения. Она за пределами моего мира. Эта стратегия противоречит амбициям в духе «возможно все, если поставить себе цель», но, вполне вероятно, полезнее для душевного здоровья.

А еще есть такая тактика: если вы сознательно сосредоточитесь на следовании библейским правилам, у вас не будет времени на желания. Во всяком случае его останется гораздо меньше. Вы будете слишком заняты. Пару недель назад мой список желанных объектов занял бы треть этой книги. Сейчас я сократил его до половины страницы. Считаю, это прогресс.

...И веселитесь перед Господом Богом вашим семь дней...

Левит 23:40

День 7. Прошла неделя. Религиозные убеждения: по-прежнему агностик. Состояние бороды: клочковатое — с залысинами, похожими на круги, выкошенные крошечными НЛО. Состояние гардероба: сменил обычные футболки с джинсами на брюки цвета хаки и рубашки, потому что они выглядят приличнее. Эмоциональное состояние: измотан.

Учиться по-прежнему невероятно трудно. Я продолжаю подвергать сомнению все свои слова и поступки. Заметил, что говорю медленнее, как будто на иностранном языке. Прежде чем произнести любое слово, приходится тщательно его обдумать. Не ложь ли это? Не хвастовство ли? Не ругань? А как насчет преувеличений? Дозволяет ли Библия говорить «Мой друг Марк работает в Esquire с 1904 года?» (На самом деле всего-то семнадцать лет). Примерно двадцать процентов предложений не проходит цензуру. Библия предъявляет очень строгие требования к нашей речи.

Я тщательно изучаю книги на религиозные темы, отчаянно пытаясь освоить как этот, так и все остальные вопросы. Список для чтения растет по экспоненте. В любой книге упоминаются еще три, которые кажутся необходимыми для прочтения. Это похоже на особенно долгую последовательность всплывающих окон.

Я по-прежнему читаю саму Библию и ношу ее с собой повсюду. Продавец в книжном был прав: лучше бы я купил вариант, замаскированный под журнал для подростков. Читая в метро, я чувствую враждебность, исходящую от пассажиров. Они смотрят на меня напряженно, поджав губы — будто я в любой момент могу наброситься и насилию их крестить.

Кроме Библии, я ношу с собой распечатку правил и часто в нее заглядываю. Сначала я собирался каждый день уделять одинаковое внимание всем правилам. Оказалось, это невозможно — так же, как, например, жонглировать семьюстами с лишним мячиками. Мозг не справляется — слишком уж распыляется внимание.

Тогда я пересмотрел план, и теперь он таков: я по-прежнему буду стараться соблюдать все правила одновременно. Но в каждый конкретный день сосредоточусь на одном из них и вложу в него основные силы. А остальные не буду упускать из виду.

Как выбрать подходящий момент для того или иного правила? Это не точная наука. Я решил следовать духовным порывам. Думаю, на выбор повлияет множество факторов: жизненные перипетии, мои прихоти, логистика, ежедневная работа (я пишу для журнала Esquire и понимаю, что скоро придется серьезно разбираться с вопросами похоти). А также разнообразие. Я хочу чередовать туманные правила с очевидными, физические — с умственными, трудные — с легкими. Разнообразие необходимо. У меня не хватит выдержки целый месяц заниматься сорока пятью правилами, касающимися идолопоклонства.

...Со смиренными — мудрость.

Притчи 11:2

День 11. В этом году я планирую несколько автопутешествий, объединенных библейской тематикой, и сегодня будет первое — в земли амишей. Кажется, я выбрал хорошее место для начала. Амиши не только делят с евреями-хасидами звание самых заметных последователей Библии, но интересны еще и вот чем: они строго придерживаются правил и Ветхого, и Нового Завета.

- Их знаменитые бороды — результат ветхозаветного запрета на бритье. (Однако амиши бреют усы, потому что когда-то те ассоциировались с военными.)
- Они отказываются делать фотографии или позировать для них, поскольку это нарушит Вторую заповедь Ветхого Завета: «Не делай себе... никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу и что в воде ниже земли». Вот почему на амишских сайтах часто фигурируют фотографии их затылоков. (Да-да, у амишей есть сайты, и можете хихикать сколько влезет. Справедливости ради стоит сказать, что они не ведут их сами. Этим занимаются третьи лица, которые рекламируют их работы по дереву и лоскутные одеяла.)
- Женщины-амиши носят капрон, соблюдая правило из Первого послания к Коринфянам (11:5), которое велит им покрывать голову во время молитвы.
- Амиши практикуют ритуал омовения ног, поскольку в Библии сказано: «Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример...» (Евангелие от Иоанна 13:14–15).
- Амишский вариант библейского образа жизни объединен с так называемым орденунгом — традициями, которые устоялись со времен появления первых амишей в Швейцарии в XVI веке. Они определяют требования к одежде и запрет на электричество.

Мы с Джули берем в аренду машину и едем в округ Ланкастер штата Пенсильвания. Может, супруга и не в восторге от моей задумки, но полагает,

что по крайней мере поездка-другая пойдет ей на пользу. Мы держим путь в гостевой дом «Ферма Смакеров». Это одна из немногих частных гостиниц, которыми действительно владеют и управляют амишские семьи. Большинство местных отелей вроде бы связаны с амишами. Этот же — настоящий.

Дорога занимает четыре часа. Кстати, горжусь тем, что у меня не было никакого желания пошутить, когда мы проезжали мимо деревни под названием Сношение (Intercourse). Я считаю это моральной победой.

Мы паркуемся, и первое, что я вижу, — женщину в полном обмундировании амишей, голубом платье по щиколотку и белом капроне, которая возится с садовым пылесосом на газоне. Такого я не ожидал. Конечно, это не iPod с видео, но тем не менее сокрушительный удар по моим стереотипам об амишах.

Женщина — ее зовут Анна — ведет нас к своему отцу Амосу, главе семейства. Амос Смакер худой и высокий, с покатыми плечами. Он одет вполне предсказуемо: черные подтяжки, соломенная шляпа, штаны, натянутые выше пояса. Его белоснежные волосы подстрижены традиционно для амишей: почти «под горшок», только огибают уши и под небольшим углом идут вниз, чуть удлиняясь сзади. Я представляюсь. Он кивает, тихо здоровается и провожает нас в комнату.

Амос говорит медленно и осторожно, словно у него есть предложений двадцать на все выходные и он не хочет растратить их сразу. Потом я прочту в амишской книге «Правила благочестивой жизни»*, что нужно говорить «обдуманно, мало и правдиво». Практикуя минимализм, Амос в совершенстве овладел правилами речи, которые даются мне с таким трудом.

Я говорю ему, что был бы очень рад побеседовать с ним об амишах. Он любезно соглашается. Интересно, насколько он устал отвечать на одни и те же навязчивые вопросы любопытных чужаков. По крайней мере я пообещал себе не упоминать «Свидетеля»** или фильм с Рэнди Куэйдом об одноруком амише, который играл в боулинг.

Мы сидим у Амоса на кухне — обстановка, конечно, очень скромная. На деревянном столе лежит папка с тремя кольцами, на которой написано: «Дневник минувших дней. Семья Смакеров».

* Stoll J. Rules of a Godly Life. Edwin L. Lambricht, 1983.

** «Свидетель» (Witness) — американский романтический триллер 1985 года с Харрисоном Фордом в главной роли, действие которого происходит в селении амишей. Прим. перев.

— Когда ваша семья приехала сюда? — спрашиваю я.

— Мой предок Кристиан Смакер прибыл из Швейцарии в восемнадцатом веке.

Кроме того, Амос — дальний родственник Смакеров, которые основали компанию Smuckers, выпускавшую знаменитый клубничный джем. Однако эта ветвь семьи больше не относится к амишам.

— Сколько у вас было братьев и сестер?

— Нас было семнадцать, — отвечает Амос.

— Семнадцать?

Он кивает.

— И каким по счету были вы?

— Младшеньkim, — говорит Амос. — Когда мать родила меня, она сказала: «С меня хватит. Чего хотела, я добилась».

Неужели он сейчас пошутил? Думаю, да. Амос позволяет себе почти незаметный намек на улыбку.

Я объясняю Амосу основную идею моей книги. Он молча смотрит поверх моего левого плеча.

Никакой реакции. Во время этого короткого визита к амишам я понял: они не в восторге от разговоров о теологии — по крайней мере с не-амишами и по крайней мере со мной. Лучше придерживаться более приземленных тем.

— Вы сейчас работаете?

— Раньше держал молочную ферму, но больше этим не занимаюсь. Я не сдался, просто сдал.

Думаю, Амос только что снова пошутил. Вы не знаете, как шутят с серьезным лицом, если не видели амишей.

— Каков ваш распорядок дня? — спрашиваю я.

— Ложусь спать примерно в восемь тридцать, а встаю в четыре тридцать. После пяти спать не могу. Я держал коров, и так уж запрограммирован мой компьютер.

Интересная метафора для человека, который не пользуется электричеством, — думаю я про себя.

Амос барабанит пальцами по столу. У него потрясающие руки. Узловатые, но в своем роде элегантные, с большими пальцами, которые загибаются, как карамельные трости, почти доставая до запястий.

Мы сидим в тишине.

Наконец Джули спрашивает, не мог бы он показать нам свое хозяйство. Он кивает. Первая остановка — в гараже. У Амоса три черные двухколки, которые выстроились вдоль стены, красными флуоресцентными треугольниками наружу. Его дочь Анна полирует среднюю.

Из гаража можно пройти в стойло, где Амос держит лошадей. У него две — обе красивые, шоколадного цвета. Они трусят к хозяину, чтобы поздороваться.

— Скаковыми были, — говорит Амос, поглаживая одну по шее. — У амишей девяносто процентов лошадей из скаковых.

Это единственный момент за выходные, когда Амос выказывает что-то вроде гордости. Скромность крайне важна для амишского образа жизни. А еще это одно из лучших человеческих качеств, отличающих их сообщество. Но если уж и гордиться чем-то, думаю, его лошади — очень достойный выбор.

Амос говорит, что вырос в этом доме.

— Каким было ваше детство?

— Холодным. Дом был не утеплен, так что в нашей комнате доходило до двух.

— Ух, — говорю я.

— До двух человек под одеялом.

На этот раз он не может удержаться — уголки рта слегка поднимаются вверх. Он явно пощупил.

Мы возвращаемся на кухню, и я расспрашиваю его о детях. Их семеро, все остались амишами, и многие живут неподалеку или даже напротив. Перед приездом я прочел, что число амишей в Америке, которое сейчас достигает двухсот тысяч, удвоилось за последние двадцать лет. Вымереть они не рискуют.

— А много людей переходит в веру амишей?

— Очень мало.

Амос делает паузу, а потом спрашивает:

— Хотите амишский анекдот?

— Конечно.

Вот здорово. Амиши столько лет были объектом для шуток. Если честно, я почти отказался от поездки, потому что не хотел попасть в эту ловушку. И поэтому буду страшно рад услышать анекдот про амишей от настоящего амиша.

— Что случилось с меннонитом*, когда он женился на женщина-амише?

Мы с Джули не знаем.

— Она его запрягла.

Мы смеемся. Не Крис Рок**, конечно, но надо помнить, что у Амоса очень ограниченный материал.

— Та-дамс, — говорит Джули.

Мне интересно: понял он, что жена имеет в виду барабанную отбивку после шутки, или просто подумал, что она издает странные звуки.

Я снова пытаюсь заговорить о религии. Сообщаю ему, что Книга Амоса — одна из моих любимых в Библии. И снова тишина. На целых тридцать секунд.

— Вы знаете «О, благодать»?*** — наконец спрашивает он.

Мы киваем.

— Тогда помогайте.

Амос извлекает из кармана губную гармошку, делает глубокий вдох и начинает лучшее исполнение этого гимна в моей жизни. Гармошка полностью подчиняется ему, пальцы порхают, ноты звучат и на вдохе, и на выдохе.

Мы с Джули немного путаем слова в середине, но заканчиваем уверенно: «Был мертв и чудом стал живой. Был слеп и вижу свет»****.

— Вы играете в церкви? — спрашиваю я, когда он останавливается.

— Нет, мы не играем на музыкальных инструментах, — отвечает он. — От этого недалеко до гордыни. Появятся всякие мысли. Еще начнешь выделяться перед другими.

Амос показывает гармошку в поднятой руке.

— Это только для дома.

Он делает паузу.

— Ну, мне надо идти, — говорит Амос. — Ужин в пять тридцать.

* Меннониты — последователи одной из ветвей протестантизма, названной в честь своего основателя Менно Симонса. *Прим. ред.*

** Крис Рок (род. 1965) — американский комик, актер, продюсер и режиссер. *Прим. перев.*

*** «О, благодать» (Amazing Grace) — один из самых известных христианских гимнов, написанный английским поэтом и священником Джоном Ньютоном. Издан в 1779 году. *Прим. ред.*

**** Перевод Д. Ясько.

И с этими словами он исчезает в столовой.

Мы с Джули едем в местный ресторан, где дерут деньги с туристов за овощи в сливочном масле и пирог с патокой. По дороге мы видим еще одну картину, не менее удивительную, чем садовый пылесос. Это подросток-амиш, который, заложив руки за спину, вальяжно рассекает на роликах по проселочной дороге.

Позже я выяснил, что некоторые амиши разрешают роликовые коньки. Резиновые шины запрещены, поэтому велосипеды исключаются, но колеса роликов делают из пластика. Точно так же, хотя электричество не разрешено, приборы, работающие на батарейках, солнечной энергии или газе, иногда дозволяются. Отсюда садовый пылесос.

Из выходных у амишей я вынес такой урок: нельзя остановить развитие религии. Даже здесь, где традиции и одежда предположительно остались на уровне XVI века, все равно найдутся варианты. Поэтому мне кажется, что задача отмотать жизнь назад до библейских времен пугающе сложна. Возможно ли отскрести слой традиций, которые копились тысячелетиями?

Не доехав до ресторана, мы с Джули видим скопление где-то трех десятков двуколок. Паркуемся и выясняем, что происходит. Оказалось, мы случайно попали на бейсбольный матч между амишами. Амос говорил, что многие амиши, и он в том числе, не приветствуют соревновательные виды спорта.

Но вот перед нами восемнадцать амишских подростков — рукава рубашек завернуты, подтяжки потемнели от пота. Мы с Джули долго наблюдаем за матчем. Ребята играют здорово, но что-то здесь не то. Через несколько минут я понимаю: это самый тихий бейсбольный матч в моей жизни. Ни словесной перепалки, ни подбадривающих криков родителей. Жутковато, спокойно и прекрасно.

Ныне не будьте жестоковы́йны, как отцы ваши, покорите́сь Господу...

Вторая книга Паралипоменон 30:8

День 13. Мы вернулись в Нью-Йорк, и из-за Библии мой график перегружен. Особенно много дел по утрам. Нужно прикрепить кисточки. Произнести

молитвы. Привязать ксерокопию Десяти заповедей ко лбу и руке, как велит Исход 13:9 (подробности позже). Остаток дня занимают изучение Библии, обеденная молитва, порой — добре дело, закупка библейских товаров (сегодня по плану вещи из дерева), несколько часов светской работы на Esquire, одобренный Писанием ужин и, наконец, вечерние молитвы.

Да, и мой совет духовных наставников. Я стараюсь встречаться или разговаривать хотя бы с одним мудрецом в день. Сегодня убью двух зайцев. Утро начинается с завтрака в компании моего друга Роджера Беннетта.

Роджер — ливерпулец. Любой разговор он заканчивает словом «клево». У него около восьми работ — журналист, документалист, глава фонда и так далее, — и все они хотя бы отдаленно связаны с религией.

Роджер не рассердился, что я опоздал на десять минут из-за утренних ритуалов, но все же он хочет кое-что мне сказать.

— Сначала ты думаешь, что похож на исследователя, который изучает сумоистов в Японии. Ты говоришь себе: «Сам-то я не стану таким. Буду держать дистанцию».

Я робко протестую. Роджер продолжает:

— Опасное это дело. Люди и поумнее тебя посвящали ему жизнь. Так что признай: есть вероятность, что к концу года ты очень сильно изменишься.

Возможно, он прав. И это пугает. Ужасно, когда нет контроля над ситуацией. И я люблю лично отвечать за все. Например, за свои эмоции. Если я смотрю мелодраму и к глазам подступают слезы, я говорю себе: «У Одри Хепберн над головой подвесной микрофон. Ну-ка посмотрим, видна ли его тень», — и резко возвращаюсь к действительности, овладевая собой. Кроме того, я стараюсь контролировать здоровье. В основном зацикливаюсь на микробах — у меня легкий случай синдрома навязчивых состояний (довольно модной болезни благодаря Ларри Дэвиду* и ему подобным). В шкафчике для лекарств у меня всегда припасен десяток бутылочек с антибактериальным средством Purell. Я уже десять лет не прикасался голыми руками к поручням в вагоне метро — вместо этого широко расставляю ноги и представляю себя серфером.

Но религиозному человеку часто приходится отказываться от контроля над ситуацией и принимать радикальные перемены. В этом-то и проблема.

* Ларри Дэвид (род. 1947) — американский комик, актер, сценарист и продюсер. Прим. перев.

Я хотел бы сдать свое светское мировосприятие в камеру хранения на автовокзале и забрать в конце года.

После завтрака с Роджером я еду на метро в центр, чтобы пообедать в дайнере* с бруклинским раввином Энди Бахманом. Сегодня встречи с наставниками идут одна за другой. Нам с Энди нетрудно найти общий язык. Он тоже вырос в светской семье — правда, в Висконсине (где, между прочим, евреев называют «избранными из морозилки»). К религии его потянуло, когда он увидел красивый шрифт Талмуда. В свои сорок два он молодо выглядит и просит называть его Энди. Звучит неуважительно, но я стараюсь.

— Как дела? — спрашивает Энди.

Я рассказываю ему о Берковице и инспекции разнородных нитей.

— Я был зачарован, — говорю я.

Может, даже слишком. Я себя знаю. Странности манят меня. В своей последней книге об энциклопедии я семь раз упомянул, что у Рене Декарта был фетиш — косоглазые женщины. Надеюсь, что это рекорд.

— Боюсь, так весь год уйдет на странные куски, а места про добродетель и справедливость я пропущу.

Энди задумывается на полминуты. Потом отпивает кофе.

— Вот мой совет: не забывай о пророках.

Пророки, объясняет он, — это двадцать выдающихся мужчин и женщин, которых мы находим в еврейском Писании. Эти люди оказались в поле зрения через несколько столетий после Моисея. К тому времени израильтяне жили на Земле обетованной, но уже успели испортить все дело. Они стали ленивыми и разращенными. И угнетали бедных точно так же, как их бывшие хозяева в Египте. Пророки же были Мартинами Лютерами Кингами своего времени и боролись с коррумпированной системой. Не случайно сам Кинг любил их цитировать — в том числе потрясающие слова Амоса: «Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток!»

— Старайся оценивать все, что ты делаешь, по моральным стандартам пророков, — сказал мне Энди. — Вспомни слова Михея. Он говорит, что жертвоприношения животных не важны. А важно «действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить перед Богом твоим».

* Ресторан быстрого обслуживания классом повыше фастфудов вроде McDonald's. Прим. ред.

...Дал ему десятую часть из всего.

Бытие 14:20

День 14. Конечно, Энди прав. Надо быть более нравственным. Нужно совершить поступок, который порадовал бы пророков. На следующее утро я просматриваю список правил и нахожу отличный вариант на странице 28: отдавать десять процентов дохода.

— Я собираюсь платить десятину, — заявляю я Джули за завтраком. Она питает слабость к благотворительным организациям, которые посылают бесплатные наклейки для обратного адреса с веселыми картинками — маленькими Зигги* на роликах — и душераздирающие брошюры о лимфоме. Я говорю, что это эмоциональный шантаж. Жена меня не слушает и шлет им чеки.

Но даже для Джули десять процентов — это много, особенно с учетом расходов на Джаспера и, как мы надеемся, еще одного малыша. Она спрашивает, нельзя ли отнести на счет десятины плату литературному агенту. И это не совсем шутка.

К сожалению, я сомневаюсь, что и умнейший из раввинов найдет способ отнести к «бедным» International Creative Management**, особенно с тех пор, как они подняли комиссию до пятнадцати процентов.

— Может, хотя бы будешь считать десять процентов с дохода за вычетом налогов? — говорит Джули.

В тот же вечер я прошу помощи у совета духовных наставников. Обращаюсь к Элтону Ричардсу, пастору в отставке.

— Не стоит слишком углубляться в формальности, — говорит Элтон. — Отдавай, что можешь себе позволить. А потом еще немного. Ты должен чувствовать, что совершаешь жертву.

Пытаюсь найти подсказку в Библии. Кажется, во времена древнего Израиля — пока его не завоевали римляне — никто не платил налоги. Вместо них была десятина. И система десятин была ничуть не проще формы 1040***.

* Зигги — персонаж комикса американского художника Тома Уилсона, человечек с большим количеством домашних животных. *Прим. перев.*

** International Creative Management (сейчас ICM Partners) — американское частное агентство по поиску талантов. Основано в 1975 году. *Прим. ред.*

*** Основная американская форма для федерального подоходного налога. *Прим. ред.*

Свою долю получали священники, смотрители храма, сам храм, бедняки, вдовы и сироты. Значит, по крайней мере, сейчас допускается отдавать десятину после уплаты налогов.

Я вычисляю десять процентов от предполагаемого заработка. Сумма выходит не очень большая — но в этом и проблема. Получай я десять миллионов в год, отдать один было бы легче.

Вечером я провожу три часа на сайте «Навигатор по благотворительности». Это вроде путеводителя Zagat* по благотворительным организациям. (И даже здесь есть повод для желаний: они приводят зарплаты руководителей, и у некоторых выходит больше полумиллиона в год.)

В итоге я выбираю несколько фондов, в том числе «Накормите детей» и «Спасите Дарфур», и жертвуя им два процента дохода. Это все, на что я пока способен.

Когда начинают приходить подтверждения, это приятно. В фильме «Огненные колесницы»** есть незабываемая реплика. Ее произносит Эрик Лидделл, самый религиозный спортсмен, который берет с собой Библию на забег. Он говорит: «Я бегу и чувствую, что Он доволен». Мне кажется, когда я раздаю деньги, я тоже чувствую, что Он доволен. Да, я агностик. Но тем не менее. Мягкое тепло начинается у основания черепа и разливается по всей голове. Словно я делаю то, что должен был делать всю жизнь.

С другой стороны, здесь, как и в спринтерском забеге, удовольствие смешано с болью. Я только что откормсал два процента от зарплаты, и осталось еще целых 8. Поэтому буду рассуждать так: если бы не Библия, я бы не жил по-библейски год и не подписал бы договор на книгу. Нет Библии — нет дохода. Так что отдать божьим людям десять процентов только справедливо. Это самая честная комиссия, какую можно себе представить.

Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его.

Притчи 13:24

* Zagat — гид по ресторанам, который составляется на основе отзывов посетителей. Основан в 1979 году. Прим. перев.

** «Огненные колесницы» (Chariots of Fire) — известная британская историческая спортивная драма режиссера Хью Хадсона. Снята в 1981 году. Прим. ред.

День 23. Как я уже говорил, одним из поводов для эксперимента стало мое недавнее посвящение в отцовство. Я неустанно пекусь об этическом воспитании сына.

Не хочу, чтобы он плавал в мутной жиже морального релятивизма. Это моя позиция.

Хотя тяжких преступлений я пока не совершал, все равно чувствую опасность. Особенно в наши дни. Через пару лет Джаспер сможет смотреть порнографию онлайн, одновременно заказывая оксикодон* в офшорной аптеке.

Поэтому я хочу сформировать у сына абсолютно незыблемые этические принципы. Разве плохо, если он станет жить по Десяти заповедям? Совсем нет. Но как ему о них рассказать?

Сегодня утром я очень ясно понимаю, что мне нужна помощь. Я вымотан — и все потому, что хуже всех в Америке умею наказывать детей.

Примерно в два часа ночи Джаспер просыпается, и я разрешаю ему забраться в кровать к нам с Джули — это уже неверный ход. Вместо того чтобы успокоиться и уснуть, он находит массу новых занятий. Например, хватает меня за маску для сна и тащит ее к себе, пока резинка не растянется до предела — где-то на полметра, — а потом отпускает. Мaska с силой стреляет мне в лицо, и от хлопка слезятся глаза. (Примечание: моя маска для сна не нарушает запрет Библии насчет женской одежды — она продавалась в коробке с фотографией очень мужественного и хорошо отдохнувшего мужчины, спящего рядом с привлекательной женой.)

Я велю Джасперу успокоиться, но угрозы в моем голосе не больше, чем у Фреда Роджерса**. Поэтому все повторяется вновь и вновь.

Возможно, это не по-библейски. Уж по крайней мере, моя мягкость противоречит Притчам.

Библейские Притчи — собрание мудрых изречений, которые приписывают царю Соломону. В них совершенно четко говорится о необходимости добиваться от детей дисциплины. Например, с помощью телесных наказаний.

* Оксикодон — обезболивающее, полусинтетический опиоид. Может вызвать наркотическую зависимость. *Прим. перев.*

** Фред Роджерс (1928–2003) — американский проповедник, педагог и телеведущий, а также герой детского сериала «Наш сосед мистер Роджерс». *Прим. перев.*

Притчи 22:15: «Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него».

Притчи 23:14: «...Ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней».

Притчи 23:13: «Не оставляй юноши без наказания: если накажешь его розгою, он не умрет...»

Некоторые американцы восприняли эти изречения буквально. До 2005 года можно было купить «Розгу» — нейлоновую палку для битья длиной около шестидесяти сантиметров по цене пять долларов. Это было творение южного баптиста из Оклахомы Клайда Баллокса. А рекламировалось оно так: «Ложки — для еды, ремни — для брюк, руки — для любви, а розги — для вразумления». Баллок закрыл бизнес отчасти из-за активного протеста более либеральных христиан, а отчасти потому, что больше не мог купить мягкие рукояти.

Другие, не такие серьезные буквалисты говорят, что допустимой альтернативой будут специальные шлепалки в виде лопатки. Джеймс Добсон, основатель ультраконсервативной христианской группы «Фокус на семье», рекомендует именно их, особенно если вы хотите, чтобы ваши руки служили «для проявлений любви».

У меня нет ни розги, ни шлепалки. Более того, телесное наказание любого рода глубоко противоречит моим родительским принципам. Я всегда считал, что порка — водородная бомба в родительском арсенале. Даже если она есть, применять ее не стоит. Даже проект «Библия» не помогает. По крайней мере пока. Я достиг первого барьера. И что же делать? Пока я решил, что это как раз тот случай, когда нужно следовать если не духу, то букве закона. Лучше так, чем вообще никак.

Несколько дней назад я погуглил «гибкие розги» и «мягкие розги» и, просмотрев несколько сомнительных с библейской точки зрения предложений, в итоге заказал совершенно не страшную игрушечную дубинку. Сегодня я применяю ее к Джасперу. После ужина он берет горсть мелких монет со шкафа и разбрасывает их по всей комнате.

Итак, я беру игрушечную дубинку и шлепаю Джаспера по попе. Я никогда еще этого не делал, хотя иногда хотелось. Занося дубинку, хоть она и сделана из губчатого материала и совершенно безвредна, я преодолеваю некий барьер. Итак, я физически наказал сына. Это тревожное ощущение. Благодаря ему я понимаю, насколько перекошены наши отношения. Родители

обладают почти божественной властью над детьми — по крайней мере пока те не достигли полового созревания.

Кажется, Джаспера это нисколько не беспокоит. Он хоочет во все горло, хватает биту и пытается ударить меня в ответ. Таким образом, я фактически санкционирую насилие в доме.

Затея с розгами оказалась неудачной. Но вот что важно: я согласен с главной идеей Притч. Нужно больше наказывать сына. Нужно проявить жесткость из лучших побуждений, чаще сдерживать Джаспера — или он рискует стать чудовищем в метр ростом. В нашей семье наказаниями всегда занималась Джули, и это создает напряженность в браке, потому что ей не особенно нравится быть «плохим полицейским». Мне надо стать строже.

Посмотрите, какой пример подает нам Бог. Библейский Бог относится к своим детям — человеческой расе — милосердно и справедливо. Прямо сейчас я на десять процентов справедлив и на девяносто — милосерден. И это неправильно. Если бы я отвечал за Эдем, Адам и Ева получили бы три предупреждения, потом четвертое, строгий выговор, и, наконец, я бы установил им отбой на двадцать минут раньше. Бог, как вы знаете, выставил их из сада. В знак сострадания перед изгнанием Он одел их в шкуры животных, но тем не менее выставил.

Дай мне уразуметь путь повелений Твоих, и буду размышлять о чудесах Твоих.

Псалтирь 118:27

День 30. Первый месяц подошел к концу. Физически я чувствую себя неплохо. Борода чешется уже меньше, и по крайней мере сейчас я больше похож на профессора сравнительного литературоведения, чем на типа, который бросил принимать прописанные таблетки.

Что же до религии, на ум приходит слово «раздвоение». Я месяц играю роль человека, живущего по Библии, но это до сих пор роль. Персонаж. Как в летнем лагере в двенадцать лет, когда заговорил с сильным южным акцентом — в нос, как Фогорн Леггорн*. И целый месяц только так и говорил.

* Фогорн Леггорн — персонаж американских мультфильмов, известный с 1946 года: белый петух породы леггорн. *Прим. перев.*

Это библейское альтер эго настолько отделилось от меня, что я стал называть его по-другому — Яковом.

Такой выбор показался самым естественным. Близко, но не то же самое. Я наблюдаю за этим Яковом, изучаю его.

И вот что я обнаружил. У него тоже есть раздвоение личности. С одной стороны, Яков этичнее меня. Он пытается соблюдать правило из Книги Левит 19:18 — «возлюби ближнего твоего как самого себя». Поэтому придерживает дверь лифта для медленно передвигающихся пассажиров. Или дает доллар бездомному, который собирает пожертвования для «Объединенного фонда “Пицца — чернокожим”» у Музея естественной истории.

Он обращает внимание на сотни маленьких, почти незаметных этических проблем, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Гасит свет, выходя из комнаты. Не таращится на чудных прохожих — мужчину весом двести килограммов, парня в бананово-желтых штанах, женщину на двадцать сантиметров выше спутника. А ведь я всю жизнь любил глазеть на людей и с удовольствием бы этим занялся. Но Яков смотрит прямо вперед, как гвардеец у Букингемского дворца.

Пока его не внесли в список кандидатов на Нобелевскую премию, но он уже лучше меня светского.

С другой стороны, мое альтер эго замечено в очень странном поведении. Оно говорит: «Может, победаем вместе на четвертый день рабочей недели?» — потому что в английском слово «четверг» (Thursday) происходит от имени древнескандинавского бога Тора.

Каждое утро он втирает в волосы каплю оливкового масла, как велит Екклесиаст 9:8 («да не оскудевает елей на голове твоей»), и теперь на всех моих бейсболках неприятные зеленые пятна.

А еще он разработал изощренный метод оплаты труда для нашей няни Дез. Библия гласит: «Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Левит 19:13), — и поэтому Джейкоб каждый день выдает няне наличность. Но моя светская ипостась должна платить Дез чеком еженедельно, чтобы она могла правильно заполнить налоговую декларацию. Поэтому в конце недели мне приходится просить ее вернуть всю наличность, чтобы обменять на чек. Не уверен, что кому-то от этого легче. По вечерам Дез уже старается выскользнутъ из дома, не попрощавшись со мной и Джейкобом. Вообще, поведение моего альтера эго указывает на одну из величайших загадок

Месяц первый: сентябрь

Библии. Как высокие этические принципы и абсолютно дикие указания могут уживаться в одной книге? А иногда даже на одной странице. Запрет на смешивание льна с шерстью идет прямо после заповеди о любви к ближнему. В Библии нет отдельного раздела «А теперь — безумные законы». Все перемешано, как овощи в салате.

Возможно, к концу года все прояснится. Возможно.